Надежда / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Надежда / рассказ НАДЕЖДА

Встречала я людей с двойным дном, с тройным и даже вовсе бездонных. Но сейчас речь пойдет про Надежду. Мы познакомились, когда я работала официанткой в ресторане «Шухры-мухры».
Клиентов мы называли «гости», потому что посетители — в музеях, клиенты — у путан. У нас — гости. Персонал по традиции относился к ним с презрением: приехали гости глодать кости, и все из какого-нибудь Нижне-Зажопинска в нашу чистенькую и благородную Москву. Эдакая компенсация за моральный ущерб прислуживания. Надежда в этом особенно отличалась. Она искренне ненавидела гостей. Причем, не только противных, которым бешамель — не соус, а спаржа — не гарнир, а всех подряд, с одинаковой ровной страстью, даже милых девушек и по-ангельски спокойных детей. Просто за то, что они существуют в мире, сидят в ресторане, да еще за ее столиком.
С гостями Надежда общалась сладким голосом: «Добренький день-денёчек» или «Вечер-вечерочек». «Что для вас?» «Вот вам менюшечка, выбирайте. Я через минуточку подбегу».
Отойдя от столика цедила сквозь зубы: «Ушлепки майонезные. Пентюхи хохлатые. Приперлись поесть. Что вам дома-то не жрется?».
«Уже выбрали? Могу подсказать. Сегодня удался супчик дня — соляночка по-баварски».
«Знал бы, из чего шеф этот суп варил — блевал бы, пока желудок не выплюнул. Безпелюха! Жри давай. Нам его до вечера надо продать».
«Карпачо из говядинки и брускетта с козьим сыром? Одну минуточку!»
«Вот пездна ездовая. Аллергия у нее на коровье молоко. Расщеколда болтливая. Ошивается по ресторациям. Делом займись!»

Посетители (тьфу ты, гости) ресторана чувствовали от Надежды противоречивый эмоциональный фон. Когда она подходила к столику, неуверенные в себе терялись, уверенные начинали блажить, постоянно сваливалась со стола то перечница, то солонка, дети впадали в истерику, а одна комнатная собачка обоссалась с перепугу барышне в подол, едва увидела сладенький оскал Надежды.

Я и сама эту Надежду побаивалась. Брови у нее были страшные, кустистые. Взгляд немного косил. Лишний раз лучше не пересекаться. Но однажды забрела в наше заведение интеллигентного вида старушка. Тощенькая, костлявая, фигура — как вопросительный знак. Шла она медленно, озиралась, виновато и подслеповато улыбалась всем, даже венецианским маскам на стенах, и чуть кланялась, будто просила разрешения еще пожить. Я бросилась ей навстречу, чтобы препроводить за свой столик. Но старушка уже уселась за стол Надежды. У меня прям потяжелело на душе.

Надежда работала, как обычно. Сладеньким голосом брала заказ. Старушка с ней долго советовалась, верила в ее гостеприимность. Из еды заказала суп-лапшу. И я уже представляла, как Надежда обложит ее за бедность и скудный выбор.

Надежда стояла рядом со мной у барной стойки, смотрела, как старушка ест, и бубнила: «Вот захухря сморщенная. Шамкает. Денег наскребла, а зубов нет. Как бы остатки не выбила, пока за щеку донесла. Лапшичку она кушает, посмотрите. Не человек, а какое-то мумие мое».

Все во мне восставало. Хотелось взять поднос и засветить Надежде по лбу. Но, во-первых, не мой стиль, а во-вторых, я в меньшей весовой категории.

Когда старушка ушла, расплатившись смятыми мелкими купюрами, которые Надежда обозвала старческими выпердашами, я не выдержала:

— Как ты можешь?! Или у тебя синдром Туррета в извращенной форме? Что с тобой? Это же старый человек! — и не дожидаясь ответа, сбежала в курилку у черного входа.

Через некоторое время пришла Надежда. Закуривая, она задумчиво

возила в луже туфлей, размазывая носком по асфальту воду, и вдруг сказала:
— Ведьма я, потомственная. Приходится как-то с этим жить.
Я вопросительно подняла брови.
— Глазливая, говорю. Ничего не могу с этим поделать. Уродилась такая. Подругу в школе похвалила, что у неё платье красивое, так на неё ведро с гудроном упало, рабочие крышу пятиэтажки ремонтировали и уронили. Парню своему сказала, что он на мотоцикле хорошо выглядит, разбился в тот же день. И много таких случае было. Нельзя мне про людей хорошее говорить.
— А плохое?
— А плохое можно. Даже нужно. Я так на себя их беду беру. А что остается? Детей у меня нет, мужа тоже. Надо хоть ради кого жить.
Я ошарашенно молчала, не зная, верить Надежде или нет.
— Ну, что замолкла, баламошка нахальная. Вали отсюда давай, шаболда. Работать надо, а не уши греть.
И она так ясно, открыто мне улыбнулась, будто приласкала. Я улыбнулась в ответ. И пошла. Hekaýalar